

К ПРОБЛЕМЕ ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

По наблюдениям некоторых исследователей, в белорусских говорах, помимо прямых заимствований из балтийских языков, встречаются отдельные значения слов, формы и выражения, которые возникли под непосредственным влиянием соответствующих литовских или латышских слов и форм. К числу схождений такого рода Э. Блесе относил, например, блр. диал. *казлы драць* „блевать“ (ср. лат. *āžus kaut, dīrāt, plest*; лит. *óžius káuti, ráuti, biēlyti, nérti*, LKŽ, VIII), *кóнске шчáўе* (ср. лат. *zirgu skūbenes*), *крывáўка* „дизентерия“ (ср. лат. *asinssērga*), *лясбóўка* „дикая яблоня“ (ср. лат. *mežābele*), *сам, самá* „хозяин, хозяйка“ (ср. лит., лат. *pats, pati*)¹. Моркунас и Видугирис отметили, что блр. микроструктура *магіла — магілкі* (*мóгілкі, магільнік*) „кладбище“ сложилась под влиянием лит. *kāpas* „могила“ — *караі* „кладбище“²; аналогичное допущение сделал Кудзиновский для вост.-польск. *mogilki* „кладбище“³. „Из литовского языка западные белорусы, возможно, заимствовали одно значение слова *ráuti*, ср. блр. *лён рваць* — лит. *linūs ráuti*; в юж.-блр. говорах в этом случае говорится *лён браць*“⁴. Очевидно, трудности исследования подобных явлений состоят в том, что в каждом конкретном случае необходимо отличить результат иноязычного влияния от самостоятельных новообразований. Для приведенных выше примеров это не всегда можно сделать. Блр. *казлы драць*, безусловно, свидетельствует о балтийском влиянии, однако в русских говорах известно *лисiц драць* „блевать“ (Даль); возникает вопрос, заимствовано ли блр. выражение полностью, или же здесь произошла контаминация русского и балтийских выражений. Блр. *лён рваць* не обязательно связано с лит. *linūs ráuti*, поскольку в рус. говорах „лён не жнут, не косят, а рвут“ (Даль); ср. эст. *linu kitkuma* „лён рвать“ (*kitkuma* „дёргать, рвать“), коми *шабді нетыкыны*

¹ E. Blese, *Alcuni rapporti fra il bianco russo e le lingue baltiche*, — StB V (1935 — 1936) 28 — 29.

² K. Morkūnas, A. Vidugiris, *Reikšmingas baltarusių kalbininkų leidinys*, — *Lietuvių kalbos leksikos raida* (LKK VIII), Vilnius, 1966, 233.

³ Cz. Kudzinowski, *Jaéwingowie w języku*, — *Acta Baltico-Slavica*, Białystok, 1964, 224.

⁴ K. Morkūnas, A. Vidugiris, *op. cit.*, 233.

„т.ж.“ (нетыкыны „дёргать, рвать“). Соотношение *magíla* — *mógilki* могло возникнуть в белорусском и самостоятельно, так как типологически это частая модель, ср. болг. *гроб* — *гробница*, серб. *гроб* — *гробље*, алб. *var* „могила“ — *vare, vara* „кладбище“. Кроме лат. *mezābele* существует польск. *lasówka* „drzewo owocowe, dziko roszące“ (Sl.), которое, в принципе, может быть источником блр. *лясбóўка*. Точно также нет оснований считать блр. *кры-ваўка* и *кóнске шчаўе* кальками с латышского: первое является продуктивным образованием, имеющим и другие значения (напр., „кровяная колбаса“; в хрв. *krvavica* „геморрой“), а *кóнский квас* известен на Украине (ср. также рус. *коневóй (кóнский) лук* „щавель“, Даль). В славянских языках широко известно употребление местоимений *сам, самá* в значении лит., лат. *pats, pati* (см. Даль, Гринч., Sl.).

По этим примерам видно, что иноязычное влияние в принципе недоказуемо (даже если оно и имело место), если данная форма или значение известно на широкой территории или это новообразование легко объяснить, исходя из фактов рассматриваемого языка (в данном случае, белорусского). И наоборот, а) если данное значение слова, морфологическая форма или синтаксическая конструкция распространена в ареале, непосредственно примыкающем к иноязычным говорам; б) если это новообразование будет нетипичным для данного языка или группы родственных языков и в) если в предполагаемом языке источнике аналогичные значения, формы и конструкции являются обычными и распространёнными — то при соблюдении этих трёх условий вероятность просто типологического схождения будет очень малой (хотя и не исключённой вовсе), и тогда можно будет говорить о внешнем, иноязычном влиянии.

Примеры, которые, по нашим данным, удовлетворяют этим требованиям, взяты из словарей, содержащих специфическую лексику центральных и северозападных районов Белоруссии⁵. Большинство из выбранных слов, судя по словарям Носовича и Белькевича, неизвестны на востоке Белоруссии; труднее установить границы их распространения на юге (здесь мы опирались только на работы по отдельным группам полесской лексики и некоторые устные сообщения). Таким образом, рассматриваемые слова (некоторые из них являются литературными) распространены на территории, непосредственно прилегающей к литовским говорам.

⁵ Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак, Мінск, 1970 (сокр. М. — М.); П. Сцяцко, Дыялектны слоўнік (з гаворак Зэльвеншчыны), Мінск, 1970 (сокр. зэльв.); Расейска-беларускі слоўнік, рукапіс А. В. Ярушэвіча (хранится в Центр. гос. архиве Октябрьской революции и соц. строительства БССР) (сокр. Яр.).

Имеющийся материал позволяет также выделить три группы белорусских новообразований, которые появились, на наш взгляд, под влиянием литовского языка: новообразования семантические, словообразовательные и морфологические. Рассмотрим, прежде всего, случаи влияния семантики литовских слов на значения соответствующих им белорусских.

Адбіты „огороженный“: „у сватой маіх і хата вялікая, і камора адбітая“ (М. — М.); блр. литер. *адбіць* „9. отделить, отгородить“ (БРС); известно на Пинщине (по сообщению В. Л. Веренича). Рус. *одбить* по значениям близко к укр. *відбіти*, польск. *odbić*, но ни в одном славянском языке это слово не означает „отгородить“. В литовском же *atmušti*, наряду с „одбить“, имеет значение „19. отделить, отгородить“ (LKŽ, VIII); ср. также лит. *pérmušti* „перегородить“ (*permušė kambarį lentom* „перегородил комнату досками“, LKŽ, VIII) и блр. *перабіўка* „тонкая перегородка в жилом помещении“ (М. — М.). Лит. *mūšti* „бить“ имеет значение „делить на куски“ (LKŽ, VIII); на этой основе и развивается, видимо, *atmušti*, *pérmušti* „перегородить, отделить“. Всё это позволяет думать, что блр. *адбіць* (точно соответствующее лит. *atmušti* и по составу морфем) заимствовало значение „перегородить“ у своего литовского эквивалента.

Адбіцца „покрыться“ (о кобыле, зэльв.). Блр. литер. *адбіцца* этого значения не имеет, как и рус. *отбиться*, укр. *відбітися*. Польск. *odbić się* „coire“: *kura się odbiła; klacz odbita* (Karł., примеры с юго-востока Польши). В других славянских языках образования от глагола *бить(ся)* для значения „покрыть скотину“ не используются. В лит. *mūstis* „гулять, оплодотворять“ (о животных, LKŽ, VIII). Поэтому *atsimūsti*, по структуре тождественное блр. *адбіцца*, будет обозначать не только „отбиться; опереться на ч.-л.“, (LKŽ, VIII), но и „покрыться“. Неясно происхождение польск. *odbić się* „coire“ (из литовского? белорусского?).

Затуманіць „закурить“ (Яр.). Исходя из славянских „туман, туманный“, такой сдвиг значения вряд ли можно объяснить. В литовском же *už(si)rūkųti* „закурить“ образовано от *rūkųti* „дымить, коптить“, в основе которого лежит *rūkas* „дым, туман“, и потому лит. *už(si)rūkųti* может быть осмысленно как „затуманить“. Это внутреннее значение литовского слова и было, видимо, передано средствами белорусского языка в *затуманіць* „закурить“.

Загад „завет“ (наряду с „приказ“, Яр.). В блр. литер. *загад* обозначает только „приказ“, как и в укр. *загád*. Совмещение значений „завет“ (в первую очередь, в религиозном смысле) и „приказ“ нехарактерно для славянских языков (хотя ср. рус. *приказál долго жить*). Лит. *įsākymas* означает и „приказ“, и „завет“ (NdŽ), ср. *dėšimt įsākymų* „десять заповедей“ и *karin is įsākų-*

mas „военный приказ“. Не исключено поэтому, что блр. диал. *zagád* значение „завет“ приобрело по влиянием лит. *įsākymas*.

Kazá „борода“ (пропуск при косьбе, М.—М.); „недожатая полоска“ (М.—М., зэльв.). В славянских языках в значении „пропуск при косьбе“ используется другая лексема, ср. блр. *барадá* (Носович), укр., рус. *бородá* (Гринч., Даль), польск. *broda* (Karł.), в белорусском Полесье тоже *бородá*⁶. *Kozá* „полоса, которую пропалывает пропольщица“ упоминается у Гринч.; в одном селе на Львовщине (Крехів Нестерівського р-на) *козá* — „огрех, невспаханная полоса“ (ответ на анкету, картотека Л. Т. Выгонной). Одним из значений лит. *barzdà* является „огрех при косьбе, плохо сжатая трава“ (LKŽ, I). Другим распространённым названием „пропуска при косьбе, несжатого пука травы“ служит в литовском *ožỹs (ožkà)* „козёл, коза“ (LKŽ, VIII). Характерно, что эти слова каким-то образом связываются с понятием „грех“, ср. *ožỹs* „прогрешение, о котором говорят на исповеди“; *óžius (óži) pardúoti* „исповедоваться“; *ožkà — vélnio gyvulỹs* „коза — чёртова скотина“ (LKŽ, VIII). Видимо, *ožỹs, ožkà* „пропуск при косьбе“ сформировались на основе этих значений (ср. рус. *огрэх*). В белорусском такое переосмысление маловероятно, и поэтому думается, что значение „огрех при косьбе“ в блр. *каза* является заимствованием с литовского.

Kazá „ошибка при ткании“: „*ма́я дачка́ як вучы́лася ткаць, то́ то́лькі ко́зы і рабі́ла*“ (М.—М., Кальчуны Ашмянскага р-на). Блр. литер. *жарабо́к*, в диалектах известны *блюзна́* (Носович), *блюзьня́* (Бельк.), *блізна́* (Шат.); в полесских говорах тоже образования от этого корня⁷. Рус. *близна́*, укр. *близна́*, болг. *близна*, схрв. *блізна*. Как видим, *казá* в значении „близна“ стоит совершенно обособленно, тогда как в литовском *ožỹs* и *ožkà* „козёл“ и „коза“ в значении „ошибка при ткании“ известны фактически во всех говорах (LKŽ, VIII). Сдвиг значения здесь может мотивироваться так же, как и в предыдущем случае (*ožỹs* „грех“ — *ožỹs* „ошибка“); учитывая всё это, значение „ошибка при ткании“ у блр. *казá* можно считать заимствованием из литовского.

Лупіць „рвать траву“: „*травы́ як на́лупі́м ля сажáлки, дак на це́лы дзень каро́ві хо́піць*“ (М.—М., Цялякава Уздзенскага р-на). Ср. *лупіць* „чистить картошку“ в Полесье⁸; блр. литер. *лупі́на* „скорлупа, кожура“ (БРС). Рус. *лупи́ть*, укр. *лупи́ти*, польск. *lupić* не обозначают „рвать“. Только в блр. литер. отмечено *лупіць* „разг. рвать“ (БРС): *наштó ты кні́гу лупі́ш?* „зачем ты книгу рвёшь?“; широкий набор значений *лупы́ты* имеет на Пинщине:

⁶ Л. Т. Выгонная, Полесская земледельческая терминология, — ЛП, 93.

⁷ Н. Г. Владимирская, Полесская терминология ткачества, — ЛП, 196.

⁸ Г. Ф. Вештарт, Название пищи в говорах Полесья, — ЛП, 388.

„чистить картошку, бить, рвать ч.-л. (одежду, книгу) (по данным В. Л. Веренича). Для других славянских языков совмещение значений „бить“ и „рвать ч.-л.“ нехарактерно. Ср., однако, лит. *pėšti, pešioti* „рвать (волосы, траву); биться“ (DLKŽ); лат. *plūkt* „рвать (цветы, лён), теревить лён“ при лит. *plūkti* „бить, избивать“. Таким образом, значения „бить“ и „рвать“ в балтийских языках сочетаются, и это даёт нам основание говорить о блр. *луніць* „рвать (траву)“ как о семантическом заимствовании из литовского.

Малёнства „маленький, ласковый ребёнок“; „маё малёнства“ (М. — М., Кальчуны Ашмянскага р-на). Блр. литер. *малёнства* „малолетство“, польск. *maleństwo* „т. ж.“, и поэтому фразу „маё маленства“ как „маё малалетства“ понимать трудно. Если же учесть, что по-литовски о детях можно сказать *tokià mažumà* „такая малость“ (LKŽ, VIII), то можно предположить, что и белорусскую фразу следует понимать так же, т. е. маленства в этом случае передает лит. *mažumà* „малость“.

Сярэдзіна „поясница“ (М. — М.); слово общеполесское, т. е. распространено довольно на большой территории, но в Полесье неизвестно. В БРС *сярэдзіна* с пометой „разг(оворное)“. Рус. *поясница*, укр. *пóперек*, польск. *krzyż*, чеш. *kříž*, словц. *križ*; лат. *krusti* „поясница“ (дословно „кресты“). Как видим, ни в одном из славянских языков „поясница“ не связывается с „серединой“. В лит. однако, *pusiáujas* (диал. *pusiáujis*) означает: „поясница; середина (по окружности)“; очевидно, блр. *сярэдзіна* „поясница“ является переводом с литовского.

Ряд белорусских новообразований по словообразовательной структуре и по значению не имеет соответствий и параллелей в славянских языках; в то же время им можно найти точные соответствия по этим признакам в литовском. Вот наиболее яркие примеры схождения такого рода.

Абіякі „обувь на деревянной подошве“ (М. — М., Савані Стаўбцоўскага р-на, Паплавы Бярэзінскага р-на), в других источниках не отмечено⁹. Польск. *obijaki, obijańce* „т. ж.“ только на Августовщине (Karł.). Словообразовательная модель в белорусском непродуктивна. В литовском ему соответствует, по нашему мнению, *arpuštiniai, arpuštinės* „клумпы, т. е. деревянные сандали, обитые кожей“ (дословно „обитые“), LKŽ, I; в лит. эта модель продуктивна, ср. *vir̃ti* „варить“ — *virtinīs* „еда особого рода“; *mūšti* „бить“ — *muštinīs* „старинные деньги; еда“ и др. значения (DLKŽ). Точный перевод литовских слов с суффиксом *-in(is)* на белорусский затрудняется тем, что очень часто это — субстантивированные прилагательные, белорусские эквиваленты которых (прилагательные на *-ы, -і*) субстантивируются гораздо реже. В силу

⁹ А. С. Соколовская, Полесские названия одежды и обуви, — ЛП, 281—319.

этого логично допускать, что блр. суц. *абіякі* и было создано для передачи лит. *армиštiniai*.

Акідацца „одеться“ (М. – М., Савані Стаўбцоўскага р-на). Блр. литер. *акідаць*, *акінуць* „откидывать, забрасывать, покидать“ (БРС); укр. *обкіда-тися* „откидывать от себя“ (Гринч.). В значении „одеться“ известны рус. *накінуть*, укр. *накінуты*, польск. *narzucić* (и образования), не сочетающиеся с частицей *-ся*. Белорусскому *акідацца* „одеться“ соответствует лит. *apsimèsti* „3. одеться, нарядиться“ (LKŽ, VIII). Возвратная частица *-si-* в этом глаголе имеет значение медиума, как это обычно в литовском, ср. *nupirkti* „купить“ (вообще, кому-либо) – *nusipirkti* „купить“ (себе); *paimti* „взять“ (вообще) – *pasipaimti* „взять“ (себе) и под. Точно также *apmèsti* „окидать, прикрыть“ – но *apsimèsti* „прикрыться, одеться“, и в этом отношении блр. *акідацца* следует литовской модели.

Вынашай „пук сухого льна, вынесенный за один раз“ (М. – М., Такарышкі Іўеўскага р-на, Нізок и Вялікая Вуса Узденскага р-на), также *вынашай* (М. – М., Дукора Пухавіцкага р-на); 'соответствий в других славянских языках слово не имеет. По всей видимости, *вынашай* точно копирует лит. *išnaša* „то, что выносится из дому“ (LKŽ, IV), сохраняя ударение на *вы-* и, в некоторых случаях, женский род, как в литовском. Само *išnaša* образовано от *išnèštì* по очень продуктивной модели (ср. *iškabinti* „вывесить“ – *iškaba* „вывеска“; *išpirkti* „выкупить“ – *išpirka* „выкуп“).

Выстрыгать „скроить“: „касцюм блáга выстрыгла“ М. – М., Варняны Астравецкага р-на). Ср. рус. *выстригать*, укр. *вистригати*, польск. *wystrzygać* (Sl.), образованные от „стричь“, значения „кроить“ не имеют. В лит. *kiřpti* „стричь“ и „кроить“ (LKŽ, V); лат. *piegriezt* „кроить“, *griezt matus* „стричь“ (досл. „резать волосы“). С учётом этого становится очевидным, что блр. *выстрыгать* „скроить“ – семантическое заимствование из литовского.

Добрыца „лицевая сторона ткани“ (М. – М., Халмоўка Барысаўскага р-на); блр. литер. *дббры* „лицевой“ (БРС). В остальных славянских языках значения „добрый“ и „лицевой“ не совмещаются. Ср., однако, лит. *geróji pùsè* „лицевая сторона“ (дословно „добрая сторона“, *gėras* „добрый“) (LKŽ, III); лат. *drēbes labā puse* „правая, лицевая сторона материи“. По-видимому, блр. *дббрыца* возникло на базе значения литовского слова *gėras*.

Прытыка „упрёк“ (Яр.). Блр. литер. *дакóра*, укр. *дóкір*, *докóра*, польск. *przekór*, *przekora*, связанные с *коріть*, *кóра*; *прытыка* в указанном значении редко встречается на Пинщине (уст. сообщ. В. Л. Веренича). По своей внутренней форме (од *тыкáць*) и по морфологическому строению блр. *прытыка* совпадает с лит. *priėkaištas* „упрёк“, дословно „притыка“ от *káišioti*, *kišti* „тыкать“ и др. значения (LKŽ, V). Лит. *priėkaištas* не является также узкоре-

гиональным словом; эти данные, как и в предыдущих случаях, дают основание рассматривать его в качестве исходного для блр. *прытыка*.

Выскрабачка „маленькая булочка хлеба, испеченная из остатков теста“ (М.—М., Горкі Стаўбцоўскага р-на), рус. *колобók*. Для названий оскрёбков известны многочисленные формы с *вы-*, ср. блр. *выскрабкі* (БРС), укр. *выскрібки*; в рус. *выскреб*, *выскребка* „выскрёбывание“ (Даль). От *выскрабкі* легко может образоваться *выскрабачка*, но именно таковой является внутренняя форма литовского названия колобка — *ragrandùkas* „выскребок“ (от *grándyti* „скрести, выскрёбывать“). Таким образом, влияние литовского в данном случае вполне допустимо, хотя это трудно доказать из-за нехарактерности морфологической структуры блр. *выскрабачка* (ср. похожие образования, известные на Пинщине: *вышкрэбка*, *пошкрыбўха*).

Поўх „пощёчина“ (Яр.). Блр. литер. *даць поўху* „прост. дать, отвесить затрещину, отвесить оплеуху“ (БРС). Возможно, *поўх* появилось вследствие морфологического переосмысления сочетания „*но ўху*“, но не исключено, что оно образовалось на базе лит. *añtausis* „затрещина, оплеуха“ (LKŽ, I); лит. *añtausis* означает также „часть щеки против уха“, и потому оно может быть осмыслено и как „оплеуха“, и как „пощёчина“.

Некоторые белорусские слова имеют несколько необычные для славянских языков морфологические показатели; как и в предыдущих случаях, существует возможность показать, что своему оформлению они обязаны влиянию литовской морфологии.

Буракé „борщ“ (зэльв.; М.—М., Дукора Пухавіцкага р-на). У Karł.: *buraczkie* „potrawa z buraków krajonych, rodz. barszczu“ Ust. z Litwy. В белорусском Полесье *буракі* „квашанья буракі“¹⁰; укр. *юшка з бураків* „свекольник“ (Гринч.); рус. *бура́к* южн. „свекла квашеная; род борща или свёкольной похлёбки“ (Даль). Лит. *burõkai* (заимст. из слав.; только во множ. числе) „борщ“ образовано по обычной для литовского модели названия вареной еды из овощей, ср. *kopūstai* (pl.) „капустняк“ (дословно „капусты“); *žirnių sriubà* „гороховый суп“; *pupelių sriubà* „фасолевый суп“; *rūgštynių sriubà* „борщ из щавеля“; *daržovių sriubà* „овощной суп“, также *bařšciai* „борщ“. Блр. *буракé* „борщ“, как видим, оформлено по этой модели.

Вайлакí „мягкие валенки“ (М.—М., Варняны Астравецкага р-на). Рус. *во́йлок* из тюрк. *ojlyk* (с XV в., Фасмер); из рус. попало в польск. (Brückner); в указанных языках встречается только в ед. числе и нигде не обозначает „ва-

¹⁰ Г. Ф. Вештарт, Лінгвагеаграфічная дыферэнцыяцыя прыпятскага Палесся (на матэрыяле назваў ежы), Канд. дысс., Мінск, 112—113.

ленки“. В литовском основным народным названием валенок служит *veilokai* (pl. tantum); очевидно, *вайлакi* в белорусском — заимствование из литовского.

Крúны „крупа“ (общебелорусское, см. БРС, Носович. Яр.); не отмечено на востоке, см. *крúны* „крупы“ у Бельк. Рус. *крупá*, польск. *krupa*, чешск. *krupka*, словц. *krúpa*. Таким образом, ни в одном славянском языке, кроме белорусского, *крúны* не означает „крупа“. Лит. *kruopà* заимствовано из слав.¹¹; в такой форме оно и даётся в LKŽ, VI, однако во всех иллюстрациях к этой словарной статье отражено только множ. число (то же и у *kruõpas*). Лит. *kruõpros* (pl.) словари дают только в значении „крупяной суп“, однако в литовских говорах и разговорном языке *kruõpros* обозначает „крупа вообще“ (чем и объясняется наличие только множ. числа в словарных иллюстрациях), а *kruopà* „крошка, маленький кусочек“, как это даётся в словарях. Для названий сортов круп в балтийских языках обычно используется множ. число, ср. лит. *grikiài* (pl.) „гречка“, *rýžiai* (pl.) „рис“, *miẽžiai* (pl.) „ячневая крупа“, *žirniai* (pl.) „горох“; лат. *putraimi* (pl.) „крупа“, *rīsi* (pl.) „рис“, *griķi* (pl.) „гречка“. Можно считать поэтому, что блр. *крúны* „крупа“ появились вследствие литовского (балтийского) влияния.

Рассмотренные примеры показывают, что в белорусских говорах, как это и предполагалось исследователями, действительно существуют слова, которые приобрели некоторые значения или морфологические признаки, или были созданы по моделям соответствующих литовских. Эти наблюдения заставляют нас внимательнее рассмотреть ситуацию, в которой взаимодействие языков давало бы такие результаты.

Следует думать, что заимствование только отдельного значения слова из одного языка в другой предполагает наличие активной языковой интерференции, в ходе которой значение слова становится инвариантным по отношению к его материальным оболочкам и будет передаваться средствами любого из взаимодействующих языков; в свою очередь, это должно обусловить активный поиск говорящими эквивалентных соответствий между контактирующими языками. Такая интерференция, продолжаясь достаточно долгое время, должна привести к тому, что весь коллектив или некоторая часть его становится двуязычным. В дальнейшем, в результате победы одного из языков, значение слова побеждённого языка окажется связанным с материальной оболочкой слова из языка победителя.

К аналогичным выводам приводит также анализ условий языкового взаимодействия, при которых слово одного языка может быть построено по словообразовательной модели другого или же произойдет заимствование морфологи-

¹¹ E. Fraenkel, LEW s. v. *kraupus* I.

ческих признаков. Эти явления обуславливаются естественной тенденцией к дословному переводу, т. е. калькированию в условиях билингвизма, и потому все рассмотренные нами белорусские слова можно (с некоторыми оговорками) назвать кальками с литовского. Не менее важным является и обратный вывод о том, что, обнаружив кальки, мы тем самым получаем возможность реконструировать существование двуязычия в истории того языка, где они обнаружены.

Согласно современным представлениям о путях формирования белорусской народности, сложившихся по данным гидронимии, археологи и этнографии, славянизация балтийских племён на территории современной Белоруссии происходила постепенно и мирным путём; сравнительно немногочисленное балтийское население растворялось в среде численно преобладавших пришельцев — славян¹². Двуязычие в этих условиях, как этап славянизации, вряд ли могло не возникнуть. Побеждая в дальнейшем, местные славянские говоры должны были приобрести ряд черт, обусловленных субстратом. Сейчас трудно сказать что-либо определённое о распространённости двуязычия в прошлом; можно только предполагать, что ситуация в то время была подобна современной на территории, где литовские говоры существуют в окружении белорусских¹³. Славянизация литовского населения здесь, как продолжение процессов, начавшихся ещё до второго тысячелетия до н. э., осуществляется и в настоящее время. Очевидно, и кальки в белорусском будут разновременными по происхождению и неодинаковыми по распространённости. Среди них находим и общебелорусские слова (*адбіты, сярэдзіна, поўх, круны*), и слова с единичной фиксацией в районах, непосредственно примыкающих к Литве (*адбіцца, затуманіць, малёнства, вьстрыгаць* и др.). Кальки появляются также в настоящее время в говорах, где старшее поколение ещё говорит по-литовски, ср. блр. диал. (Браславский р-н) *бóжы пóяс* (~ лит. *diėvo juosta*), *харóшы пóяс* (~ лит. *malónės juosta*)¹⁴.

Поскольку о языке ассимилированного балтийского населения на территории Белоруссии ничего неизвестно, то, анализируя кальки, мы вынуждены обращаться к данным современных литовского и латышского языков, и это

¹² Эти вопросы рассмотрены в превосходной монографии: В. В. Седов, *Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья*, Москва, 1970; здесь же и исчерпывающая литература вопроса.

¹³ Z. Zinkevičius, *Lietuvių dialektologija*, Vilnius, 1966, 24—31; E. Grinaveckienė, *Kai kurie Apso tarmės būdingesnės ypatybės*, — *LTSR MA darbai*, Ser. A, 2(9), 1960, 171—191; J. Senkus, *Kai kurie Lazūnų tarmės ypatumai*, там же, 1(4), 1958, 183—194; Сб. *Dieveniškės*, Vilnius, 1968; см. также Т. М. Судник, *К характеристике фонологических систем диалектов литовско-славянского пограничья*, Автореф. канд. дисс., Москва, 1971, 3—14.

¹⁴ А. П. Непокупный, „Пояс“ — одно из названий радуги в атласах балтийских и славянских языков, — *Baltistica* V (1969) 71—76.

вносит элемент условности в названия типа „белорусские кальки с литовского“ (когда речь не идет об ареалах типа Браславского или Дятловского). Но, с другой стороны, о кальке с полной уверенностью можно говорить лишь в том случае, когда белорусские новообразования имеют точные соответствия в литовском или латышском. Таким образом, при избранном нами подходе, возможности исследования данной проблемы в говорах, где балтийское население ассимилировано уже давно, находятся в прямой зависимости от степени близости исчезнувших балтийских говоров современным говорам Литвы и Латвии. Однако и те факты калькирования, которые можно здесь обнаружить, должны рассматриваться, по нашему мнению, в качестве веского лингвистического аргумента в пользу гипотезы о существенной роли балтийского субстрата в истории формирования белорусских говоров.

Сокращения

- Бельк. — I. К. Бялькевіч, Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны, Мінск, 1970.
 БРС — Беларускі-рускі слоўнік (пад. рэд. К. К. Крапівы), Масква, 1962.
 Гринч. — Б. Д. Грінченко, Словник української мови, I—IV, Київ, 1958—1959.
 Даль — Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV, Москва, 1956.
 ЛП — Лексика Полесья, Москва, 1968.
 Носович — И. И. Носович, Словарь белорусского наречия, Санктпетербург, 1870.
 Фасмер — М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, I, Москва, 1964.
 Шат. — М. В. Шатэрнік, Краёвы слоўнік Чэрвеньшчыны, Мінск, 1929.
 Brückner — A. Brückner, Słownik etymologiczny języka polskiego, Warszawa, 1970.
 DLKŽ — Dabartinės lietuvių kalbos žodynas, Vilnius, 1954.
 Karł. — J. Karłowicz, Słownik gwar polskich, I—VI, Kraków, 1900—1911.
 LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas, I—VIII, Vilnius, 1941—1970.
 NdŽ — Wörterbuch der litauischen Schriftsprache (bearb. von M. Niedermann, A. Senn, Fr. Brender, A. Salys), I—III, Heidelberg, 1932—1957.

ON THE PROBLEM OF LITHUANIAN-BYELORUSSIAN LEXICAL CONTACTS

Summary

This paper deals with some translation loans in Byelorussian from Lithuanian, namely, ten semantic loans (the type of blr. *адбіты* "enclosed, fenced" < lith. *atmūšti* "to enclose, to fence"; blr. *адбіца* "coire" < lith. *atsimūšti* "to mate"; blr. *казá* "blemish, flaw" < lith. *ožỹs, ožkà*; blr. *сярэдзіна* "waist" < lith. *pusiáujas* etc.), eight word-building loans (the type of blr. *абі́які* < lith. *apmuštiniai* (*klumpės*) "kind of wooden boots"; blr. *акідаўца* < lith. *apsimēsti* "to slip on"; blr. *е́істрыгаць* < lith. *iškiřpti* "to cut out"; blr. *прыты́ка* < lith. *priėkaiřtas* "reproach" etc.) and three cases of loans of morphological formant (blr. *бураке́* "borshch" < lith. *buró-kai*; blr. *вайлакі́* < "kind of felt boots, valenki" < lith. *veilokai*; blr. *крупы́* "groats" < lith. *kruõ-pos*). The author believes the translation loans can be considered as an essential linguistic argument in favour of the hypothesis about the great role of the Baltic substratum in forming Byelorussian dialects.